

«МОЯ ЖИЗНЬ НА БЛАГО РОДИНЫ»

В издательстве «Парвик» вышла книга Алексея Ивановича Сапожкова - соловецкого юнга - «Моя жизнь на благо Родины». Автор, которому в следующем году исполняется 90 лет, вспоминает главные эпизоды своей жизни, и, в частности, учебу в Школе Соловецких юнг, службу на канонерской лодке «Ахтуба» на Черноморском флоте, рассказывает о своей работе по патриотическому воспитанию детей и молодежи.

Вашему вниманию предлагаются некоторые главы из этой книги.

Летом 1943 года я узнал, что производится набор подростков в морскую школу. Мы с соседом по двору Юрой Типковым съездили в военкомат и узнали, что набирают в школу юнг-подростков нашего возраста по заявлению, завизированному родителями. Мы отвезли заявления во Фрунзенский райвоенкомат с визой родителей, которую «оформили» своими руками. Лишь за 2-3 дня до отъезда я сказал маме, что ухожу в школу юнг. Она все поняла: ухожу на войну. Поплакала. И вот 23 августа вечером Левитан объявил о взятии Харькова, был произведен салют впервые с фейерверком (за взятие Орла и Белгорода салют не сопровождался красочным фейерверком). Ночь с мамой мы практически не спали: разговаривали, а мама на ножной швейной машинке шила мне рюкзаки для вещей.

Утром 24 августа я собрался, попрощался с мамой и поехал в райвоенкомат Фрунзенского района, находившийся недалеко от станции метро Дворец Советов (сейчас - Кропоткинская). После проверки нас отвезли в одну из школ около Каланчевки (Площадь трех вокзалов). Там мы пробыли пару дней, нас вновь всех переписали. После этого нас привели на Ярославский вокзал и разместили в плацкартных вагонах, и поехали мы в неизвестную даль. На следующий день нам сообщили, что едем мы в Архангельск. Дня через три прибыли в город. Увидели широкую Северную Двину, современный город: деревянные тротуары, как у нас при ограждении стройучастков, мостовые тоже деревянные из бревен по торцевому срезу.

Расположили нас в каких-то помещениях (что-то вроде барачков) на Соломбале (сейчас район Архангельска) - это искусственный остров, созданный при Петре I, застелен в свое время соломой, и там Петр I устроил бал. Отсюда и название. Здесь нас уже кормили, прошли обследование медкомиссией (ее не прошел мой коллега по работе по состоянию здоровья). Затем нас распределяли по специальностям. На комиссии меня спросили, кем бы я хотел быть. Я, начитавшись книжек, ответил, что хочу быть боцманом. Но члены комиссии мне предложили выучиться на радиста, что более соответствовало моему образованию (семь классов). Я согласился. Меня проверили: член комиссии постучал на ключе и просил повторить, что я успешно сделал. Так я попал в роту радистов. Мой сосед по двору с образованием шесть классов стал мотористом.

На следующий день нам выдали морскую форму: тельняшки, форму №3 и так далее. Все нам было велико: не только одежда, но даже и обувь. Но, несмотря на это, все были весьма довольны, почувствовав себя моряками.

Утром третьего сентября нас посадили на тральщики - так заканчивался путь на Соловки - Северный Крым. Мы долго шли по реке (до моря около ста километров) и, наконец, вышли из реки. Так я впервые увидел первое море в моей жизни. Тральщик покачивало, но слегка.

На следующий день вдаль показался остров. Красота неопишная: осенью природа дарит нам разноцветье, и сам Соловецкий кремль с моря имеет сказочный облик. После высадки всех юнг разделили: кого в Савватеево, кого в Кремль, а нашу роту направили в школу связи учебного отряда Северного флота (это в полутора километрах от Кремля). До места мы строем прошли по лесной дороге, и весьма приятно было увидеть прохождение, кем-то заснятое на пленку. В музее юнг этот снимок воспроизведен на одной из стен - там я обнаружил несколько юнг и себя, с которыми мы вместе учились.

Разместили нас в клубе, накормили. Остаток дня посвятили осмотру территории, отдыхали. С пятого сентября начали строительство землянки на всю роту (100 чел.). Руководил нами инженер-капитан II ранга. Роту разделили на четыре группы (смены) по 25 человек. Смены имели командиров-старослужащих (с моей смены это был старшина I статьи Каинков). Интересно отметить, что с ним я случайно встретился (после демобилизации) на стадионе Динамо на футбольном матче в 1952 году. Это была единственная встреча после службы во флоте.

Мы валили деревья, обрабатывали их и получали бревна для строительства землянки. Рыли котлован, возводили стены, делали накат. Внутри землянки двухъярусные нары, комната для старшины, место для дневальных, одно (или два - точно не помню) окно, печка. Расположена землянка была на небольшой полянке на опушке леса. Когда я побывал там в 2012 году, я ее еле нашел: от нее осталось несколько мест, где проглядывались в грунте сгнившие бревна. В конце октября переселились в землянку. У меня было место на втором этаже и в конце октября меня приняли в комсомол. Еще в Москве меня агитировали, но я по совету друзей относился к этому инертно, и в моих документах в графе «партийность» было написано «пионер». А здесь меня как-то быстро убедили. И кроме меня никого не нашлось, согласившегося на должность комсорга роты. Забегая вперед, хочу сказать, что комсомольская работа меня преследовала вплоть до поступления в институт в 1953 году. На корабле был комсоргом, на узле связи, на заводе после демобилизации секретарем комитета комсомола, отсюда меня перетащили в райком комсомола Ленинградского района Москвы. И только перед поступлением в институт я освободился от комсомольской работы.

Начались занятия: строевая и стрелковая подготовка, и специальная подготовка: повтор программы за седьмой класс по русскому языку, история. Строевая проводилась на футбольном поле, стрелковая - на полигоне. Специальная и общеобразовательная - в помещении, не использованном по назначению, где из двух

камер оборудованы классы на 25 человек. Из спецпредметов изучали: прием и передача на ключе, материальная часть (приемники и передатчики, антенны), практический радиообмен, радиотехнику, проводились политзанятия, уставы (разные), начали нести караульную службу по территории и привлекались на объекты гарнизонного значения, выполняли работы по уборке помещений и территории, обслуживали камбуз и так далее.

По выходным (воскресеньям) участвовали в спортивных мероприятиях (спорт, игры, кроссы, лыжные соревнования и тому подобное), ходили любоваться природой, часто созерцали, как живут в озерах ондатры. По субботам банный день. С утра часть юнг (порядка 10-12 человек) направлялись на заготовку дров в лес. Нам показывали, какие деревья можно использовать для дров. Готовую продукцию на лошадях отвозили к бане. Заготовители дров мылись в последнюю очередь (баня была небольшая, поэтому было 3-4 захода). В бане стирали свое белье и робу, постельное белье сдавали в прачечную. Сушили белье возле землянки. Заготовители дров во время работы из своей среды выделяли пару юнг на приобретение картошки с рядом расположенного поля. Ее мыли, укладывали в бачки (кастрюли) и переворачивали на листья, а сверху разжигали костер. Перед отправкой в баню эту картошку поедали. По утрам перед построением для следования на завтрак, пока позволяла погода, в лесу вокруг землянки собирали чернику и голубику и съедали ягоду за завтраком. А перед обедом нам в миски наливали отвар хвои. Это в какой-то мере помогало нам пополнить организм витаминами, так как многим витаминов не хватало, и опасались заболевания цингой. До этой болезни дело не доходило, но у меня и других ребят начали кровоточить десны. Дело в том, что на Соловки продукты завозили раз в году, овощи, в основном, все сушеные.

Ежедневно по утрам после подъема выходили на свежий воздух и делали физзарядку. Кто опаздывал (через сорок секунд после подъема), тот получал наряд вне очереди. Это означало после отбоя убираться в землянке: мытьё полов, следить за правильным использованием гардероба и расстановкой обуви (это важно при объявлении ночной тревоги, так как бывало много случаев, что спросонья не могли сразу попасть в свою обувь: поднималась суматоха). Сильных морозов не было, что объяснялось тем, что мягкий климат острову придавало теплое течение Гольфстрим, оканчивающееся в Соловецком архипелаге.

Седьмого ноября 1943 года мы всей ротой после завтрака проследовали на стадион возле Кремля. Там построились, и началась церемония принятия присяги.

К этому времени выпал снег, футбольное поле было, естественно, белым. Перед выстроившейся ротой был установлен стол, вокруг него стояли комендант Соловков, начальник нашей школы полковник Ермаков и еще несколько офицеров. Каждый юнга строевым шагом подходил к столу, читал текст присяги и расписывался. Затем строевым шагом становился в строй. Это мероприятие длилось довольно долго. Затем был парад отряда гарнизона, и мы прошли парадным маршем и вернулись к себе к торжественному обеду. Юнгам в обед вместо «боевых 100 грамм» выделили по 100 граммов красного вина. С этого момента мы стали воинской частью с вытекающими из этого правами и обязанностями.

В паек военнотружущих входило курево, а некурящим выдавали вначале шоколад, а когда его не было - сахар. Заядлые куриаки стали дразнить тех, кто не курит «маменькиными сынками» и додразнились до того, что куриала вся рота (я куриаком был восемнадцать лет, а бросил курить в декабре 1961 года.).

Бывшее здание тюрьмы, которое было переоборудовано под учебный корпус роты радистов Соловецкой школы юнг.

Занятия шли своим ходом. Не могу не сказать об отношении юнг к учебе. Это была какая-то страсть к познанию, сознание, для чего мы учимся. Всем хотелось быстрее, чтобы попасть на корабли и принять участие в боевых действиях. Основное - мы повышали скорость приема текстов и их передачи. Изучали теорию радиообмена, физику процессов излучения радиоволн, документацию при радиообмене. Особое внимание уделялось изучению уставов (их несколько: караульной службы, дисциплинарный и еще какие-то), которые надо было знать хорошо.

Однажды ночью нас подняли по тревоге, получили винтовки из пирамиды. Причина - высадка немцами десанта с подводной лодки. Участвовали в прочесывании леса более двух часов. Дали отбой и сообщили, что десант уничтожен другими подразделениями. Мы предполагали, что это был учебный прием, но точно не знали. Но это прочесывание леса запомнилось, несмотря на реальность ситуации. На фронте положение улучшалось, мы спешили окончить учебу, боясь опоздать на боевые действия. Почта нам доставлялась из Архангельска самолетом, поэтому связь с родными была бесперебойной.

Приближалось лето, занимались усиленно. С началом лета стали выходить в море на шлюпках на веслах и под парусом, изучали флажной семафор, но не преуспели в этом - не наша специальность. Стали практиковать учебный радиообмен. Радисты расходились на несколько километров друг от друга, устанавливали связь, обменивались сообщениями. Это было очень полезно, на кораблях мы практически сразу же использовались на вахте без дубляжа. Бегали кроссы. Однажды мы решили искупаться в заливе, было тепло, немного поплавали, стали выходить и у берега попали в проходящий косяк трески. Попробовали по футбольному махнуть ногой, и на берегу появились рыбешки, ускользающие в воду. Ребята несколько штук собрали, сварили и съели. По-прежнему несли караульную службу, выполняли хозяйственные работы. По праздникам нам давали вино, я его менял с ребятами на компот. Ко мне была установлена очередь на такой обмен.

Наконец в конце августа учеба закончилась, предстояла сдача экзаменов, готовились серьезно. Я все экзамены сдал на отлично (как и большинство юнг). Стали ждать распределения: куда кого направят. Меня (я думаю по рекомендации врачей, знавших о моих кровоточащих деснах) направили на Черноморский флот и, как пожелал мне один из врачей, есть побольше персиков.

В конце сентября нас на тральщике отправили в Кемь (примерно 60 км от Соловецкого острова). Рядом с портом в Кемь находилась железная дорога, а на ней нас ждал товарняк, в котором и разместились все черноморцы.

В Севастополь прибыли 6 ноября, уже не задерживаясь в пути. Разместили нас в полуэкипаже (так во флоте назывался пересельный пункт). Севастополь только освободили, ни одного целого здания, кругом развалины, дороги завалены хламом, но в бухте - корабли у стенок и на рейде. В полуэкипаже холодина, окна выбиты, но в одном углу окна заделаны стеклянными банками. Кое-как переночевали, и во второй половине дня нас шестерых (два радиста и четыре других специалиста) забрали для службы в отдельный дивизион канонерских лодок.

Нас распределили на три канонерских лодки, которые отобрали у румын. Стояли эти лодки недалеко от моста, пришвартованные к стенке кормой. Нас по 6 человек отправили по кораблям. Я попал на «Ахтубу», другие - на «Аракс» и «Ангару». Встретили нас хорошо, радисты были довольны пополнением. Канлодка: длина 70 метров, ширина 7-8, экипаж 110 человек, две пушки, четыре защитных пулемета, комплект глубинных бомб (бомбить подлодки).

Познакомились с кораблем, с ребятами. Дали нам спальное место - подвесные койки (как гамак, только лежать не в сетке, а в парусине). Утром команда: «Подъем! Койки вязать!» Это означало, что койки надо снять и убрать, так как они мешали ходить. Радиорубка была маленькая. На переборках укреплены два передатчика и один приемник, сейф с документацией, стул и стол. Все.

Камбуз был на верхней палубе, а жили мы на нижней (там и радиорубка). Питались так: был у нас стол для радистов (в кубрике) на шесть человек. На каждый день выделялся по очереди «бачковой» (дежурный), в обязанности которого входило обслуживать стол: приносить с камбуза еду (первое, второе и третье - в бачках), убирать стол, мыть посуду. Кормили хорошо. Месячную норму сахара всем выдавали сразу. Я свой сахар съедал за два-три дня, а потом - чай без сахара до следующей выдачи.

Через три дня нас двоих хотели передать на «Аракс», а оттуда двоих - на «Ахтубу». И мы, и они упростили руководство оставить все как есть. Уговорили. Документы наши переложили в другие ячейки (канцелярия и штаб были общими, командование базировалось на канонерской лодке «Аракс»). Так я остался на «Ахтубе», еще не зная, что это спасло мне жизнь.

Первым выходом в город был вояж за новой аппаратурой - радиостанцией, работающей на ультракоротких волнах. В принципе это что-то вроде теперешнего «мобильника», рация была предназначена для телефонной связи внутри дивизиона. Город лежал в руинах, ни одного целого здания. Склад аппаратуры находился в подвале одного из домов недалеко от нашей стоянки. Принесли рацию в радиорубку, освоили быстро. Связь наладили не только в дивизионе, но и со всей эскадрой.

В Севастополе находились чуть больше месяца. Один раз вышли к Тендровской косе для опробования ходовой аппаратуры. Попали в сильный шторм. Я был на вахте, и нашу канонерскую лодку так качнуло, что приемник сорвался с крепления, сбил меня со стула, и я сильно ударился копчиком об установленный на противоположной стенке радиатор. В конце декабря мы ушли в Одессу. Нам разрешили увольнение на два часа. Я впервые поднялся по Потемкинской лестнице, прогулялся по городу, не уходя далеко от порта, чтобы не заблудиться. Прогулялся по Приморскому бульвару и вернулся на борт. В этот период дивизион часто выходил в море: осуществлял дотерные операции, высаживал и забирал после выполнения задания десанты, боролся с малым флотом (катера, сторожевики и т.п.). В одном из выходов на нас напоролся немецкий самолет, который

удалось сбить (я видел через иллюминатор, как он объятый пламенем нырнул в море). Потом была хохма: зенитчики каждой канонерской лодки считали, что именно они сбивают самолет, хотя все три лодки вели одновременно огонь по самолету. Истина так и не восторжествовала. Однажды в походе меня позволили посмотреть огромное масляное пятно на воде - свидетельство потопления подводной лодки немцев. Так

Одесса. Апрель. 1950 год. Увольнение на берег. Слева направо: снят Гусев, Маллер, Сапожков. Стоят Мятюхин, Орешин, Бельтюгов

как мой боевой пост находился в радиорубке, то я не мог видеть столкновения и перестрелки с кораблями противника, только слышал пальбу, да и подробностей никто особо не высказывал (просто боевые будни).

Наступил 1945 год. Второго января мы вышли в дозор на неделю. Ничего особенного не произошло (война заканчивалась). Одиннадцатого января мы вернулись в Одессу поздно вечером. В порту было темно (соблюдалась светомаскировка), и мы пришвартовались у первого свободного причала. Наутро назначен переход к месту нашей постоянной стоянки. Офицерский состав был отпущен к семьям на ночь до восьми часов утра. Утром начался переход (несколько офицеров пошли пешком к месту стоянки). Переход продолжался минут 25-30. Канлодки вместе подошли к нашему причалу, перестроились и малым ходом перемещались к месту швартовки (кормой вперед). Канонерские лодки швартовались так: справа «Ангара», в середине «Аракс», слева «Ахтуба» (моя). На причале стояли опоздавшие к отходу лодок, в том числе один офицер с «Аракса». Я только закрыл вахту и стал подниматься на верхнюю палубу, и вдруг услышал сильный взрыв, и выходя на палубу, увидел огромный черный столб воды. Столб осел, и показался «Аракс», быстро уходящий под воду. «Аракс» подорвался на магнито-акустической mine. В воде барахтались несколько человек из боцманской команды, осуществлявшие швартовку «Аракса». Мы спустили шлюпку, выловили людей, на «Ахтубе» им оказали медицинскую помощь, переодели в сухое, дали спирту и отправили в госпиталь. «Аракс» в течение 5-7 минут ушел под воду, слышали крики раненых, а погибающий экипаж, стоя у иллюминаторов, запел «Варяга». Через несколько минут все закончилось. Так погиб экипаж (чуть более ста человек, в том числе шесть Соловецких юнг).

А если бы нас все-таки заставили поменяться? Надо считать, что наша бригада юнг вторично родилась. Через пару дней водолазы подняли 16 погибших, их похоронили в братской могиле на Приморском бульваре в Одессе. В 1982 году мне удалось побывать в Одессе, и я узнал, что и остальные погибшие захоронены в той же братской могиле, что и поднятые первые 16 моряков в 1945 году. В конце января был приказ о присвоении мне звания «матрос».

Я стал совершеннолетним, мне исполнилось 18 лет.